

УДК 316.32(470+571)
ББК 60.52(2 Рос)
X 20

Е.М. Харитонов,

*доктор социологических наук, профессор, академик РАН, г. Краснодар,
тел.: (86165) 29-41-98, e-mail: arrri_kub@mail.ru*

СОЦИАЛЬНАЯ УВЕРЕННОСТЬ РОССИЯН: ЗАПРОС НА СОЦИАЛЬНУЮ СУБЪЕКТНОСТЬ ФИНАНСИСТОВ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье анализируется состояние социальной уверенности в российском обществе как способности «управлять собственной жизнью». Автор статьи полагает, что согласно оценкам социальной уверенности в российском обществе можно говорить о ее дисперсности и локализованности, что снижает запрос на социальную субъектность как способность к социальной ответственности и автономии российских финансистов.

Ключевые слова: социальная уверенность, социальная субъектность, социальная ответственность, социальная неуверенность, финансисты.

E.M. Kharitonov,

*Doctor of Sociology, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Krasnodar, ph.: (86165) 29-41-98, e-mail: arrri_kub@mail.ru*

SOCIAL CONFIDENCE OF RUSSIANS: A CLAIM FOR SOCIAL SUBJECTNESS OF FINANCIERS IN THE RUSSIAN SOCIETY

Abstract. This paper analyzes the state of social confidence in the Russian society as ability “to operate one’s own life”. The author of this work believes that according to estimates of social confidence in the Russian society it is possible to say about its dispersion and localization that reduces a claim for social subjectness as ability to social liability and autonomy of the Russian financiers.

Keywords: social confidence, social subjectness, social liability, social uncertainty, financiers.

Для характеристики состояния российского общества актуальным является рассмотрение социальной уверенности россиян, понимаемой чаще всего как способность влиять на обстоятельства. Между тем, социальная уверенность определяет не только возможности самооценки и самоконтроля, но и в социологическом понимании может быть охарактеризована как поведенческое качество, направленное на

поддержание готовности и к адаптации к обстоятельствам, и к изменению обстоятельств.

Необходимо подчеркнуть, что социальная уверенность является результатом многих факторов, в том числе и социобиологических, но основное значение приобретают социальное самочувствие, социальная самооценка личности, ее способность воспринимать, оценивать и действовать в готовности к

контролю над известными и вновь возникшими обстоятельствами. В той же степени социальная уверенность определяет отношение индивида к различным уровням общественной жизни и общественного взаимодействия. Это очевидно проявляется в том, что состояние социальной неуверенности приводит к резкому падению социальной и экономической активности, к продуцированию новых социальных тревог и страхов, и общество испытывает массовые социальные стрессы, связанные с иммобилизацией и дезориентацией.

Говоря об этом, вспоминается, что кризисные явления «рукотворны», то есть обладают эффектом домино под влиянием социальной неуверенности в обществе. Делая ставку на социальную уверенность, общество нацеливается на преодоление кризиса и на ментальном, и на поведенческом уровнях. Однако следует подчеркнуть, что в российском обществе социальная уверенность во многом определяется социальным микроуровнем, в то время как социальная неуверенность как чувство нестабильности, рискогенности, ожидание худшего локализуется по отношению к социальному макроуровню. Это связано с тем, что только 26% россиян считают себя активными людьми, 13% проявляют готовность к участию в общих делах, но только 3% полагают себя ответственными за то, что происходит в стране [1; 43].

Такие диспозиции свидетельствуют о том, что социальная уверенность характерна для меньшинства опрошенных, и в то же время есть предположение считать, что социальная неуверенность порождается нежеланием ответственности. В том виде, в каком россияне испытывают социальную уверенность, трудно ожидать, что в российском обществе настроения социального оптимизма станут фактором преодоления кризисных явлений. Также наивно было бы предполагать, что

при том, что каждый пятый россиянин склонен к социальной инициативе, обращение к социальной активности станет общественным императивом.

Очевидно, что в российском обществе существует запрос на социальную активность, но вне социальной субъектности, самооценки как способности к социально-активной деятельности социальная активность уходит в сферу межличностных отношений, теряется на уровне принятия формулы социального микромира. Это проявляется в том, что доминирующая трактовка социальной уверенности как способности влиять на жизненные обстоятельства не соотносится с социальной активностью и социальной субъектностью. Если задавать вопрос о том, как реагируют россияне на социальные изменения, то российское общество склонно к варианту постепенных изменений, «контролируемых сверху». Таким образом, ответственность возлагается на российское государство, российские элиты, что делает запрос на социальную активность заниженным. Между тем, российские финансисты представляют группу, для которой значимым является не только выделение себя как профессионалов, но и возможность в качестве профессиональной самореализации «исправить» ситуацию, в которой проявляется отчетливое доминирование исполнителей среднего звена [2; 226]. Дело в том, что социальная активность в российском обществе стратифицирована, определяется должностным, а не субъективным социальным статусом, в то время как российские финансисты, осознавая себя группой «делового лидерства», ориентированы на конвертацию экономического капитала в социально-символический.

Ясно, что социальная уверенность в российском обществе не может быть устойчивой, опираясь только на собственные силы индивида, и связана с привлечением

потенциала социальной группы. В такой ситуации социальная уверенность требует от личности способности управлять собственной жизнью. Российское общество прошло период общественных потрясений, и результатом являлось «обучение» людей адекватной реакции на происходящие перемены. Анализ социологических данных по востребованным профессиям позволяет утверждать, что социальный статус финансистов связан с социальной субъектностью как определителем социальной уверенности, поскольку существует и востребованность на рынке труда, и воздействие финансовой деятельности по сравнению, например, с менеджерами в различных сферах экономической жизни. К тому же полноценное использование квалификационного и образовательного потенциала финансистов подразумевает переход к модели социальной субъектности в соответствии с доверием общества к институту финансов.

Хотя экономическое благополучие не повышает социальную уверенность, можно говорить о том, что депривационные эффекты, характерные для российских бедных, снижают социальную уверенность, делают людей заложниками жизненных обстоятельств и полного перекладывания ответственности на российское государство. В таких условиях социальная субъектность локализуется по степени значимости социальной самооценки, что снижает влияние социальной уверенности. Это проявляется в том, что для большинства россиян социальная уверенность заключена в рамках социального микромира и отношение к социальному макроуровню предопределяется отказом от ответственности за происходящее. Поэтому важно подчеркнуть, что российские финансисты как высокопрофессиональная группа сравнительно гомогенны, однородны в силу социальной уверенности как следствия устойчивой социально-

профессиональной позиции и материального благополучия.

В российском обществе выработался стереотип социальной уверенности как способности контролировать обстоятельства в кругу близких или на работе. Данное восприятие способствует оценке социальной субъектности как избыточной, как имеющей отношение только к семье, к работе, приватной сфере, но на этих уровнях трудно ожидать формирования массовой социальной активности, и результатом являются постоянные сетования по поводу качества государственного управления и деятельности российских элит, как коллективных субъектов, и отношение к субъективно оцениваемому социальному статусу вне придания состояния социальной уверенности. Для российских финансистов характерно восприятие группового статуса как возможности не только социально-профессиональной самореализации, но и как условие профессиональной и социальной свободы, а способность успешно осваивать новые рыночные ниши позволяет чувствовать себя уверенно не только на рынке труда, но и в отношениях с обществом и государством.

В российском обществе принятие формулы отказа влиять на обстоятельства вне социального микромира привело к разделению социальной субъектности и социальной уверенности, как способности влиять на жизненные обстоятельства. В пользу этого утверждения свидетельствует то, что для 71% россиян социальная субъектность заключается в возможностях самореализации в профессии и, в то же время, зависимость от оценки материального положения признается 79% тех, кто полагает, что у него в жизни дела идут хорошо [3; 63]. В контексте вышеизложенного, следует подчеркнуть, что в массовом восприятии финансистов в российском обществе доминантным выступает материальное положение,

причисление к элитным слоям общества, и в то же время финансисты характеризуются как высокие профессионалы, чья деятельность является социально полезной и может приносить ощутимый социальный эффект в условиях нарастания социальной активности.

Можно отметить, что социальная уверенность, как микрогрупповой показатель, не влияет на степень социальной субъектности, так как социальное самопричисление, социальная самоидентификация россиян строится не по социально-субъектному, а по социально-профессиональному или социально-территориальному критериям. Отсюда в российском обществе социальная субъектность не воспринимается как желаемое, способствующее социальной уверенности качество. Вернее, можно сказать, что социальная субъектность «отдана» на откуп российским элитам и если проявляется на социально-групповом уровне, то в качестве возможности влиять на реализацию групповых интересов вне более широкого социального контекста. В этой ситуации актуальным является проблема социально-экономической защищенности (таковой считают большинство российских «белых воротничков») [3; 71]. Для них важно, что финансисты должны проявить определенный уровень социальной ответственности, так как 15% работающих россиян пострадали от последствий финансового кризиса [3; 73].

Иными словами, в рамках сложившегося стереотипа социальной уверенности трудно ожидать возрастания в обществе настроений позитивной социальной мобилизации, имеющей эффектом социальную сплоченность. Отмечая, что россияне склонны перекладывать в нынешних условиях ответственность не только на государство, но и на бизнес, следует, ради справедливости, говорить и о том, что

в условиях зависимости социальной уверенности от материального благополучия, уровня социальной локализации возможности для перехода социальной уверенности в состояние социальной субъектности минимальны. Можно констатировать также, что в условиях зависимости между материальным положением и социальной уверенностью не возрастает значение социальной субъектности как способа социального самоопределения, как того качества, которое делает возможным консолидацию и на групповом уровне, и на уровне всего общества. Для финансистов такая позиция не является бесспорной, так как для них ухудшение ситуации связано не с зависимостью от работодателя или государства, а определяется состоянием финансов и финансовой деятельности.

Считая, что социальная уверенность – как доминанта социального микроуровня – не влияет на массовое социальное самочувствие в российском обществе, следует исходить из того, что качество социальной уверенности остается низким, то есть не способствует повышению запроса на социальную субъектность. О том, что российское государство испытывает недостаток в общении с достойными социальными партнерами, свидетельствует тот факт, что упреки в могуществе государства и отсутствие интереса к социальной инициативе снизу являются надуманными, так как ни одна значимая социальная группа в российском обществе не выявила признаков социальной субъектности, за исключением узкого слоя профессионалов, ориентированных на формирование закрытых социально-экспертных сообществ. Между тем, финансисты воспринимаются в российском обществе как люди, обладающие экспертными качествами для того, чтобы сократить негативные влияния наступившего кризиса.

Социальная уверенность – как качество социального взаимодей-

ствия, социального общения – способна нацелить российское общество на принятие программы социального партнерства, в которой социальная субъектность выступает основным качеством. В том, что социальная уверенность предостерегает не только от социального фатализма, но и делает возможным социальное общение и предполагает веру в возможность выработки общественно значимых целей, есть необходимость рассматривать социальную уверенность как фактор повышения социальной субъектности. Основным препятствием служит отсутствие заинтересованности и желания большинства россиян «быть хозяевами в стране», то есть нести ответственность за происходящее: ссылки на государственническую традицию являются слабым аргументом, так как в российском обществе по отношению к государству выработалась формула взаимных обязательств. Характерно и то, что государство ориентировано на обеспечение достаточного уровня социальной уверенности для того, чтобы не нести издержки, связанные с рисками социальной истерии или социальной паники. Между тем, от государства нельзя ожидать усилий по формированию социальной субъектности, так как государственные институты функционируют в рамках поддержания социального порядка.

Анализ существующего уровня социальной уверенности в российском обществе показывает, что при том, что социальная уверенность локализована, дисперсна, на уровне профессиональных сообществ она обретает социально-ориентированные качества, выходя за пределы узкогрупповых интересов. Если в 1995 году 45% россиян испытывали беспомощность повлиять на происходящее вокруг, то в 2011 году данный показатель снизился до 36% [1; 135].

Таким образом, можно говорить о том, что в российском обществе не просто вырос показатель

социального оптимизма, но и социальная уверенность стала характеризоваться выходом на социальный макроуровень. Что выражается в изменении формата отношений между финансистами и государством, когда на повестку дня выходит не только проблема состояния финансовой сферы, но и оценки тех социальных эффектов, которые связаны с ее функционированием. Другое дело, что эта тенденция не обретает отчетливо группового выражения, не связана с финансистами референтной группой, позиционирующей себя как носитель социальной уверенности. Причина в том, что социальная субъектность до сих пор не воспринимается в финансовом сообществе как желаемое групповое качество, а в этой ситуации сложно ожидать актуализации потенциала социальной субъектности как условия воспроизводства социальной уверенности в качестве отношений с другими слоями российского общества.

Недостаток социальной субъектности как качества, связанного с ответственностью и автономией поведения, приводит к тому, что социальная уверенность ограничивается близкими группами или обращена к секторам общественной жизни, к которым обнаруживается социально-профессиональный интерес. Однако российское общество нуждается в новом формате социальной уверенности, в том, что можно охарактеризовать как уверенность в будущем страны и уверенность в согражданах. Можно говорить о том, что в условиях неактуализированности социальной субъектности финансистов на российское государство, прежде всего, на аппарат государственного управления, ложится нагрузка, связанная с тем, что является сферой социальной самодетельности, повседневных практик.

Следует подчеркнуть, что для массовых настроений россиян социальная уверенность, ограничиваемая социальным микроуровнем,

имеет негативное значение, так как определяет чувство неуверенности вне собственного дома, а это ведет, в свою очередь, к тому, что в социальной уверенности проявляется прямая корреляция между способностью контролировать жизненные обстоятельства и инвестировать в собственный социальный капитал, обретать социальную субъектность. Российские финансисты достигли в этом отношении социальной референтности, поскольку характеризуются наибольшей степенью готовности к повышению образовательного и профессионального потенциала.

Согласование смыслов жизнедеятельности на уровне социальной уверенности возможно, если принимается формула социальной уверенности на макроуровне, когда осознается не только возможность контроля ситуации в кругу близких, в собственной микрогруппе, а уверенность становится жизненным выбором, определяет жизненные стратегии и ставит отношения с государством в рамки компромисса прав и обязательств. Полагая, таким образом, что социальная уверенность содержит запрос на социальную субъектность финансистов, можно считать, что в российском обществе требуются сдвиги в общественных настроениях, связанные с пониманием социальной субъектности как фактора влияния на социальную уверенность.

Другими словами, нельзя ожидать исчезновения дисперсности социальной уверенности вне возможности осознания социальной субъектности. Прекрасной иллюстрацией служит то, что россияне, испытывая доверие к институту президента (78%), правительству России (55%), ориентированы на менее значимый уровень

поддержки органов местного самоуправления (33%), ГД России (32%) [3; 112]. Это свидетельствует о том, что в российском обществе в силу заниженного спроса на социальную субъектность отношение к органам представительной власти и местного самоуправления формируется под влиянием отказа от ответственности.

Казалось бы, местное самоуправление содержит возможность влиять на происходящее, но так как социальная уверенность определяется отказом от того, чтобы рассматривать сопричастным происходящее вокруг, для позиции россиян свойственно воспринимать данные структуры как не имеющие властных полномочий, не обладающие потенциалом позитивных изменений. В такой ситуации можно говорить о том, что социальная уверенность не может быть действенной, если отсутствует средний уровень, уровень поселения (города, села).

При уверенности на социальном микроуровне можно ожидать уверенности за ситуацию в стране, что имеет следствием поддержку высших государственных институтов, но постоянно возникают разрывы, связанные с тем, что в обществе усугубляется ситуация локализации социальной уверенности. Это позволяет говорить о том, что социальная субъектность, как качество социальной ответственности модифицируется в демонстративное выражение поддержки государства. Однако такая позиция ситуативна, может стремительно изменяться под влиянием социальных негативных ожиданий и тревог. Российские финансисты могут проявить социальную инициативу через предложение и реализацию муниципальных и региональных проектов.

Примечания:

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011.
2. См.: Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теория и реальность. М., 2014.
3. Российское общество и вызовы времени. М., 2015.

References:

1. Gorshkov M.K. Russian society as it is. M., 2011.
2. See.: Tikhonova N.E. The social structure of Russia: theory and reality. M., 2014.
3. The Russian society and the challenges of the time. M., 2015.